

'profugo, escapado; legionario, mercenario' DLU 196) имеют сугубо пейоративные коннотации. Принято считать, что исходное значение этого слова следует искать в араб. *ḥbī* 'être méchant, perfide, ignoble, scélerat (se dit d'un homme)' (BK 1 530; см. особенно произведенное по модели *kutl*-слово *ḥubī*- 'turpitude; désordre, débauche, fornication'). Оглушение *-b- > -p-* перед *-š-* не представляет проблемы: ближайшую параллель см. в евр. *nōpāt* (**nipr-*) vs. угр. *nbt* 'мед' (исконность *-b-* подтверждается араб. *nīb-* 'пчела'). Кроме того, родственный глагол *ḥbī* 'huit, escarpse, desvincularse' встречается в самом угаритском языке. Наконец, транскрипция акк. *ḥuršū* с *-p-* является чисто этимологической (евр. *ḥōpāš*): ничто не препятствует читать это слово как *ḥubšū*.

С. 302. Невозможно согласиться с выведением акк. *lābānu* 'шея' из **lahb-ān-*. Прежде всего, оба базовых словаря аккадского языка транскрибируют это слово как *labānu* (с *ā*), что вполне справедливо ввиду архаичной формы *labīānu*. Эта форма однозначно говорит о том, что консонантный корень аккадского слова – *lby*, не содержащий никакого ларингала (и уж во всяком случае не *h). Возможные параллели к *labīānu* в арабском и некоторых других семитских языках см. в SED I № 173.

С. 319. Распространенная точка зрения, по которой евр. *zārāt* 'пядь' заимствовано из егип. *dr.t* 'рука' должна быть пересмотрена ввиду новых семитских параллелей: сир. *zawārā* 'pugnis, manus' (Brock 194) и особенно тгр. *zāra(t)* 'middle finger' (LH 161). См. подробнее SED I № 298.

С. 348. Трудно согласиться с тем, что значение 'вести' у распространенного в семитских языках корня *db* происходит от значения 'говорить' (помимо семантических трудностей, против этого сближения говорит и то, что значение 'говорить' хорошо засвидетельствовано только в еврейском). Не следует игнорировать и традиционное для семитологии выведение корня *db* 'вести, гнать' из именного корня **dVbVr-* 'спина'. См. SED I № 46, с библиографией.

С. 350. Обсуждаемый семитский корень, со значением 'народ, племя' (неубедительно сопоставляемый Шнайдером с егип. *p.t* 'люди') имеет консонантный корень *phd, а не *phz или *phd. Такая реконструкция ясно вытекает из следующих параллелей: араб. *fahīd*-*lfahd*-*lfihd*- 'la plus petite subdivision d'une tribu' (BK 2 552), кат. *fhd* 'clan, family, subtribe' (Ricks 129), мхр. *fahḏat* 'tribe' (JM 110), джб. *fahḏat* id. (JJ 67). Кроме того, это значение почти наверняка является ареальной (аравийской) семантической эволюцией известного общесемитского анатомического термина **paḥ(i)d* 'бедро' (см. SED I № 211)³.

С. 351. Араб. *inda* 'у' (сравниваемое Шнайдером с егип. *hn* 'вместе с', вне сомнения, должно анализироваться как *im-da. Первый элемент этого составного предлога тождественен евр. 'im 'с', в то время как второй восходит к ПС **yad-* 'рука' (о подобных сложных предлогах см. SED I № 291). См. также синхронно зафиксированную в еврейском форму *imnā-d-ṭ* 'со мной'.

Приведенные замечания ни в какой степени не умаляют значения рецензируемой работы. Можно с уверенностью сказать, что продемонстрированное автором сочетание глубоких познаний в египетском языке и виртуозного владения самыми современными методиками афразийской этимологии делают его работу совершенно уникальной. Благодарные читатели вводного раздела могут лишь с нетерпением ожидать выхода в свет собственно этимологических томов. Публикация первого из них уже анонсирована издателями.

Л.Е. Коган

© 2003 г.

И.В. ПЬЯНКОВ. *Средняя Азия в античной географической традиции*. Источниковедческий анализ. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 343 с. ISBN 5-02-017251-0

Рецензируемая книга опубликована в 1997 г. в издательстве «Восточная литература» Российской Академии наук. Она представляет собой переработанную докторскую диссертацию автора. Предметом работы является подробное исследование античных источников по географии среднеазиатского региона и пограничных с ним территорий.

³ О семантических переходах такого рода см. Коган Л.Е., Милитарев А.Ю. О некоторых нетривиальных семантических переходах в семитских языках (новые материалы к изосемантическим рядам Майзеля: анатомическая лексика) // Вестник РГГУ. 2000. 4/1. С. 28 сл.

Во введении рецензируемой книги И.В. Пьянков излагает основные положения, обсуждаемые в книге, и намечает постановку вопроса. Исследование касается областей современной Средней Азии – Северного Афганистана и Северо-Восточного Ирана. Чтобы приблизиться к категориям античной терминологии, автор использует для названного региона определение «Бактриана и соседние страны» или иначе – «северо-восточная окраина античной ойкумены». Он в основном исследует источники с VII в. до н.э. по II в. н.э. и рассматривает (как и Ch. van Raassen) географическую традицию как один из литературных жанров античного периода. При этом автор делает акцент на том, что его определение географической традиции подобно тому, которое дает Клавдий Птолемей (с. 4); таким образом, античная география является линейным описанием всей известной земли (ср. Ptol. Geogr. 1. 1). Следуя современным категориям, Пьянков определяет географическую традицию как совокупность соответствующей текстовой семантики. В целом автор ставит своей целью исследовать высказывания античных авторов с точки зрения их содержания и происхождения, а не в их связи с реальными географическими отношениями. Поэтому идентификация топонимов, гидронимов, горных цепей, этнонимов и т.д. занимает в данной работе второстепенное место. Напротив, автор стремится выяснить первоисточники определенных географических традиций. Исходя из этой идеи вступление посвящается автором истории исследований в области изучения источников по исторической географии Средней Азии и соседних районов. Особенная ценность придается в этом вопросе трудам А.Б. Дитмара и Л.А. Ельницкого. Среди западноевропейских специалистов Пьянков в первую очередь называет В. Томашека, А. Германна и Й. Маркварта как «классиков» в области исторической географии Средней Азии и соседних регионов.

Ввиду объема затронутых тем обсуждение всех их со всеми вопросами и проблемами, которые были подняты в книге, в журнальной рецензии к сожалению, невозможно. Поэтому далее будут разобраны только некоторые моменты. Я хотел бы, чтобы мои замечания и полемические пассажи рассматривались не как критика, а скорее как дополнения.

Глава I касается первоисточников античной географической традиции Малой Азии и охватывает четыре временных отрезка: 1) эпоха персидского царства; 2) эпоха македонского владычества под властью Александра; 3) эпоха македонского владычества при наследниках Александра Великого; 4) эпоха Парфянского царства. Подразделение страноведения северо-востока ойкумены на вышеперечисленные периоды сознательно (ср. заявление на с. 9) ориентировано на известную схему Страбона, который выделяет следующие периоды: ассирийский, мидийский, персидский, македонский и парфянский (ср. Strabo. 11. 6. 2; 11. 6). Высказывания Страбона действительно являются исходным пунктом рассуждений Пьянкова в этой главе, так как античный автор сообщает подробнейшие известия о географическом исследовании Средней Азии и, кроме того, передает фрагменты сочинений, которые в противном случае едва ли были бы известны. В этой связи следует указать на обращение Страбона к авторам александрийской эпохи – Эратосфену и Аполлодору. Последнего как весьма обогатившего страноведение Бактрианы, Гиркании и области азиатских кочевников, Страбон особенно хвалит.

И.В. Пьянков полагает, что географические системы античных авторов базировались главным образом на итинерариях (путеводителях) и различает два типа такого рода путеводителей: группа А касается, таким образом, путей через Иран, Каспийские ворота – в Бактриану и к азиатским скифам; группа В, напротив, описывает дороги от Понта Эвксинского через Кавказ на Восток.

Основная задача I главы – оценка значения первоисточников для географических представлений о Средней Азии. Для эпохи персидского владычества (раздел 1, с. 11–27) важнейшими являются труды Скилака из Карианды, Геродота и Ктесия. Наиболее ценными оказываются при этом, как подчеркивает Пьянков, сочинения Скилака, которые были использованы Гекатеєм и – опосредованно – Геродотом. Скилак по суше и по морю объехал азиатские пограничные области государства Ахеменидов времен Дария I, и поэтому его труды имеют большую ценность как произведения очевидца. Во втором разделе (с. 27–48) исследуется эпоха Александра Великого, при этом рассматриваются труды Александра (здесь речь идет преимущественно о его письмах, авторство которых не доказано), Каллисфена, Поликлета, Клитарха, Птолемея Лага и Аристобула. Трое последних оставили богатейшую базу для трудов позднейших авторов (в первую очередь Диодора, Курция Руфа и Арриана). Пьянков совершенно верно принимает хронологическую последовательность Клитарха – Птолемея – Аристобула. Он подробно останавливается на сочинении Клитарха, которое считается основанием так называемой традиции Вульгаты (к ней принадлежали Диодор, Трог / Юстин и Курций Руф). Рассуждения Пьянкова подводят к напрашивающемуся выводу: эта традиция изобилует

ценными сведениями о землях Востока, в том числе о Средней Азии, и на нее следует обратить больше внимания, чем это было принято ранее¹. Автор датирует временем Александра посольство Дерды, или Берды, к «европейским скифам» и Эвксениппа к сакам, которые должны были принести новые знания о географической картине Средней Азии и прилегающих территорий. Вообще следует отметить, что в этот период наблюдается значительный подъем знаний о северо-востоке ойкумены².

В третьем разделе I главы Пьянков рассматривает авторов эпохи Селевкидов (с. 48–64). Здесь прежде всего обсуждаются труды Мегасфена и Деймаха, которые описали пути в Индию и пограничные районы к западу от Индии. Однако для представления о географии Средней Азии более существенными по всем параметрам оказываются сочинения Демодама и Патрокла. Мысли исследователя об обоих авторах следует рассматривать как прекрасный пример его блестящего знания проблематики. Только одно не кажется бесспорным. Известно, что Демодам предпринял поход в Среднюю Азию и перешел при этом Яксарт. Автор датирует это предприятие 283–281 гг. до н.э. и предполагает, что оно имело место только после великих переселений кочевников в Согдиане, Арее и Маргиане. По моему мнению, этот поход следует датировать более ранним временем, во всяком случае до 300 г., и рассматривать его скорее как составную часть завоеваний Селевка I в Средней Азии³. Пьянков отмечает надежность Демодама, который часто приводит местные названия рек, как, например, Силис вместо Яксарта. Вторым селевкидским исследователем Средней Азии был Патрокл, исследовавший вместе со своим флотом часть Каспийского моря. Труд Патрокла использовался в дальнейшем через посредство Эратосфена, который высоко ценил достижения селевкидского полководца. Патрокл писал между прочим о речном пути от Индии через реку Окс к Каспийскому морю (ср. Strabo. 2. 1. 15; 11. 7. 3). Здесь же автор цитирует высказывание Плиния (NH. 6. 52) о контактах между Закавказьем и Индией. Предположение исследователя, что известия Плиния имеют своим источником сочинения Патрокла, кажется безосновательным. Это заимствованное у Варрона сообщение Плиния описывает более позднее положение дел, а информация получена Варроном от индийцев, которые в 62 г. до н.э. появились в Северной Италии и даже в Галлии. Они намеревались получить аудиенцию у тогдашнего полководца Помпея в Азии, Квинта Цецилия Метелла Целера⁴. Таким образом, мнение Пьянкова, что слова Аристобула о водном пути между Индией и Каспийским морем были заимствованы у Патрокла (с. 62), кажется необоснованным. Намного вероятнее, что некоторые авторы независимо друг от друга сообщали о водном пути по Оксу и Узбою к Каспийскому морю и что такой путь существовал на самом деле.

В четвертом разделе I главы И.В. Пьянков рассматривает парфянскую эпоху. Важнейшим автором этого периода, без сомнения, был Аполлодор из Артемиды, чьи труды были особенно ценны, так как основывались на его собственных свидетельствах и разнообразных источниках. Большое количество цитат и опосредованным образом заимствованных фрагментов его «Парфики» сохранил прежде всего Страбон в своей «Географии», употребляя при этом определение τῶν περὶ Ἀπολλόδωρον τὸν Ἀρτεμιτινόν. Предлагаемая Пьянковым интерпретация этого выражения («Аполлодор и другие» – с. 64 слл.) кажется неправомерной. Автор справедливо замечает, что высказывание трудно перевести. Но с его предложением понимать под ним авторов, для которых Аполлодор считался источником, нельзя согласиться. Даже

¹ То же мнение в кн.: *Olbrycht M. J. Parthia et ultiores gentes. Die politischen Beziehungen zwischen dem arsakidischen Iran und den Nomaden der eurasischen Steppen.* München, 1998. S. 32–41.

² Эта проблематика затрагивается во многих современных исследованиях. Из новых работ на эту тему следовало бы отметить следующие: *Goukowsky P. Essai sur les origines du mythe d'Alexandre I. Les origines politiques.* Nancy, 1978, P. 149–165; *Hammond N. G. L. Three Historians of Alexander the Great. The so-called Vulgate Authors, Diodorus, Justin and Curtius.* Cambridge, 1983; *idem. Sources for Alexander the Great: an Analysis of Plutarch's Life and Arrian's Anabasis Alexandrou.* Camb., 1993. Из более ранних работ к этому разделу следовало бы добавить: *Endres H. Geographischer Horizont und Politik bei Alexander d. Gr. in den Jahren 330–323.* Würzburg, 1924; *Burr V. Das geographische Weltbild Alexandres des Großen // Würzburges Jahrbuch für die Altertumskunde.* 1947. 2. S. 91–99.

³ Ср. пояснения: *Robert L. Plin VI 49, Démodamas de Milet et la reine Apameé // BCH.* 1984. S. 471 suiv. (автор датирует экспедицию Демодама периодом около 306 г. до н.э.).

⁴ Ср. *Mela. 3. 5. 45; Plin. NH. 2. 67.* Подробно этот вопрос обсуждается в ст.: *Bengston H. Q. Caecilius Metellus Celer (COS 60) und die Inder // Historia.* 1954–1955. 3. S. 229–236 (автор, впрочем, также принимает ту точку зрения, что место из Плиния восходит не к трудам Патрокла, – S. 475. Anm. 7).

Посидоний из Апамен согласно этому определению причисляется исследователем к кругу Аполлодора. По моему мнению, выражение τὸν ἑρῆ Ἀπολλόδορον τὸν Ἀρτεμιτηνὸν касается помощников и учеников Аполлодора в Парфии. Вызывает сомнение и предлагаемая Пьянковым датировка Аполлодора временем Митридата II (124/3–87 до н.э.). Согласно Пьянкову, покорение парфянами части Бактрии (см. об этом Strabo. 11. 9. 2) в период между 124 и 115 гг. до н.э. является последним из упоминаемых у Аполлодора событий⁵, и он справедливо указывает на Аполлодора как на общий источник для Страбона и Юстина Трога в части их парфянских и среднеазиатских экскурсов. Но из этого утверждения вытекают, по моему мнению, главные аргументы против датировки Аполлодора второй половиной II в. до н.э. Как у Страбона, так и у Трога упоминаются сакаравки, кочевое племя из Центральной Азии, которое принимало участие в разорении Греко-Бактрии. После этого они играли в истории Парфии важную роль и в 70-е годы I в. до н.э. оказывали поддержку Синатруку. Сакаравки были, по всей вероятности, повержены в ходе внутренней борьбы в Парфии во время между 57 и 54 гг. до н.э.⁶, и о гибели этого народа говорит только Трог в своем Prologus Libri XLII. Все эти известия о сакаравках были, как мне кажется, заимствованы у Аполлодора. Таким образом, последнее из упомянутых Аполлодором событий может быть датировано 57–54 гг. до н.э. Соответственно, «Парфика» должна была быть составлена немногим позже⁷. Пьянков полагает, что Аполлодор использовался в позднейшей традиции через посредство Посидония и его трудов «История» и «Об океане» (с. 67)⁸. В качестве главного аргумента выдвигается тезис о том, что влияние Аполлодора наблюдается исключительно у тех авторов, которые много заимствовали у Посидония, т.е. у Страбона, Птолемея и Дионисия. Но здесь можно привести и весомые контраргументы. Страбон цитирует многократно восхваляемого им Аполлодора непосредственно, и ни одно место не заставляет думать о непременно опосредованном использовании, в том числе и через Посидония. Последний также часто цитируется Страбоном, но по большей части с критическими, особенно полемическими, замечаниями. У Посидония, особенно в «Истории», нельзя проследить влияние Аполлодора; это становится понятным, если принять предложенную выше датировку «Парфики» Аполлодора. «История» же Посидония не может быть датирована позже 86 г. до н.э.⁹ Посидоний мог сам обращаться к сохранившемуся источникам, в частности к архивам Селевкидов, современным ему информаторам из Сирии и прилегающих областей и, наконец, к многочисленным греческим историкам, таким, как Тимохар, Протагорид и другим, чьи труды до нас не дошли¹⁰.

Особенно удачный пример источниковедческого и методологического верного обращения автора книги со свидетельствами представляют собой рассуждения о Мае Тициане, Марине, Клавдии Птолемея, Аполлонии Тианском и римских итинерариях (с. 72–80). Май Тициан составил путеводитель на основании сообщений своих торговых агентов. Этим путеводителем пользовался Марин, чьим трудом впоследствии, по всей вероятности, воспользовался Клавдий Птолемей. Пьянков справедливо утверждает, что Птолемей располагал и другими, современными ему сообщениями торговцев о путешествиях, которые они предпринимали в Индию, в частности о пути между Серой и Бактрианой (ср. в связи с этим Ptol. Geogr. 1. 17. 4). Кажется оправданным отнесение времени деятельности Марина ко второй половине I в. до н.э. Ценные сведения о Парфии и положении восточной окраины царства Арсакидов сообщает, кроме того, Филострат в своей «Жизни Аполлония Тианского». Этот последний предпринял путешествие на Восток, которое впоследствии было описано Дамидом, одним жителем Ниневии, и этим трудом, в аутентичности которого Пьянков не сомневается, скорее всего пользовался Филострат. Особенное место занимает в анализе автора книги так называемый

⁵ Здесь И.В. Пьянков основывается на книге: *Tarn W.W. The Greeks in Bactria and India. Camb., 1951. P. 89.*

⁶ Ср. *Olbrycht. Parthia...* S. 114 f.

⁷ Датировка последнего события, описанного в «Парфике» Аполлодора – между 53 и 40 г. до н.э. (но «not so long after 53 BC»), которая не слишком отличается от моего предположения, недавно была предложена В.П. Никоноровым: *Nikonorov V.P. Apollodorus of Artemita and the date of his Parthica revisited // Ancient Iran and the Mediterranean world. Proceedings of an international conference in honour of Professor Józef Wolski held at the Jagiellonian university, Cracow, in September 1996 / Ed. E. Drabowa, Kraków, 1998. P. 107–122.*

⁸ Здесь Пьянков обращается к кн.: *Behr A. De Apollodori Artamiteni reliquis atque aetate. Argentorati, 1888. P. 34 sq., 45–49.*

⁹ *Malitz J. Die Historien des Poseidonios // Zetemata. 1983. 79. S. 63, 70 f.*

¹⁰ Ср. *ibid.* S. 259 f. Как один из источников Посидония могут быть привлечены спорные сочинения царя Деметрия II, который провел около 10 лет в парфянском плену (*Iust. 38. 9. 1–10*).

римский итинерарий, чьи данные нашли отражение в Карте Пейтингера и «Географии» Равеннаты.

В главе II (с. 81–113) ученый исследует влияние представителей античной географической традиции на развитие представлений о Средней Азии. Отдельным авторам в соответствии с сохранившимися источниками приписываются определенные представления о северо-востоке ойкумены, и соответственно исследуется восприятие их остальным миром (в рамках античной эпохи). Пьянков начинает с раннеионической традиции (Анаксимандр и Гекатей), затем следуют традиции Демокрита и Эвдокса, Эфора и Полибия, Дикеарха и Эратосфена, Гиппарха и Посидония и, наконец, Варрона и Агриппы. Пьянков использует при этом всю полноту сведений, и только выборочно можно указать на некоторые проблемы. В случае с Эратосфеном, одним из наиболее влиятельных географов античного мира, автор указывает на тот факт, что он обращался преимущественно к сообщениям чиновников Александра (Strabo. 2. 1. 7; 15. 1. 11) и Патрокла (Strabo. 2. 1. 4). Подробно представляя источники Посидония (с. 97–106), Пьянков повторяет впервые встречающийся у А. Бера¹¹ тезис о том, что Посидоний использовал труд Аполлодора из Артемиды и Страбон узнал Аполлодора исключительно по сочинениям Посидония. В то же время он оговаривает, что не все обращения Страбона к Аполлодору имели место только через посредство «Истории» Посидония (с. 102).

В главе III (с. 114–178) исследуется место Средней Азии как пограничной зоны античной Ойкумены в географических системах античных авторов. Согласно традиции античного землеописания Ойкумена делилась по секторам, поясам, климатам и другим принципам. Пьянков анализирует секторы Ойкумены в системах Тимосфена, Гонория и Равеннаты. При анализе поясов в системе Посидония особый акцент делается на влияние этой концепции на построение пространства у Птолемея. Далее анализируется разделение по климатам у Страбона, Плиния и Птолемея¹². В последней части главы Пьянков исследует части ойкумены и их границы в связи с отношениями в Средней Азии (с. 155–178) и прежде всего обращается к «системе акте» Гекатея и Скилака. В центре исследования стоит система обработанных Эратосфеном клише, которая с этого времени должна была считаться классической для античной географии. Пьянков показывает, что деление Северной Азии у Страбона в основном было заимствовано из концепции Эратосфена. Страбон дает деление на четыре части; вторая часть охватывает область современной Средней Азии – регионы, лежащие к востоку от Каспийского моря и к северу от горной цепи Тавра. Концепция Эратосфена, о которой хорошо сохранившийся труд Страбона дает более подробное представление, скорее всего, использовалась еще многочисленными позднейшими авторами (Агриппа, Мела, Плиний), хотя часто с известными поправками, восходящими, по мнению Пьянкова, преимущественно к Гиппарху.

В самой обширной, IV главе рассматривается Средняя Азия в контексте античных орографических схем (с. 179–278). Под «орографической схемой» Пьянков понимает реки и горные цепи как основу географических описаний в древности. Вокруг этих заметных пунктов располагали подробные описания стран, народов, поселений и т.д. В центре исследования стоит, само собой разумеется, Бактриана, Согдиана и граничащие с ними области. В развитии этих схем Пьянков четко различает эпоху до завоеваний Александра и позднейший период. Затем автор дает подробный очерк античных представлений о горах и реках Средней Азии. У античных авторов можно проследить сведения об одной горной цепи, которая пересекает Азию с запада на восток. Располагающаяся в сердце Азии восточная часть этой великой горной цепи называется Кавказом, Тавром, Парнассом, или Паропамисом. Из рек бактрианского региона ранние авторы называют Аракс и Танаис, затем, со времен Александра, речь идет об Оксе и Яксарты / Танаисе. Продолжая исследование, Пьянков обращается к развитию орографических схем в малоизвестных ионических картах и традиции Гекатея Милетского. Первая более или менее сохранившаяся и обширная схема включает горы Парнасса и реки Аракс и Танаис. Наиболее четко эта концепция изложена у Аристотеля, но ее истоки восходят к Демокриту, Эвдоксу и Гекатею Абдерскому. Несколько другую схему с Кавказом, Араксом и Танаисом дают Диодор и Курций Руф, так же как их общий источник – Клитарх. Согласно Пьянкову, на эту схему опирался Клитарх, когда объединял доалександ-

¹¹ Behr. De Apollodori...

¹² По этой проблеме важные данные приводятся в ст.: Dicks D.R. The *klimata* in Greek Geography // The Classical Quarterly. 1955. 49. P. 248–255.

рийские представления (прежде всего Евдокса) с новыми открытиями. Влияние этой концепции заметно у Посидония, Дионисия и на Карте Пейтингера.

После завоеваний Александра Великого была выработана новая схема, которая ориентировалась на горную цепь Кавказа, или Паропамиса, и реки Аракс и Танаис. Автор высказывает предположение, что эту концепцию выработал Поликлет и ею позже пользовались Клитарх и Аристобул. С особой обстоятельностью Пьянков рассказывает о представлениях о Танаисе как пограничной реке между Азией и Европой и отождествлении скифского (понтийского) и согдийского Танаиса. Рассматриваемая схема продолжала существовать в эллинистическое время, и ее можно проследить даже у Полибия. К этой же традиции автор относит и Аполлодора из Артемиды. К тому же он приводит множество аргументов, которые надежно доказывают особое знание Аполлодором Средней Азии. Достаточно указать только на один факт: Стефан Византийский опирается в своих изъяснениях слова Паропамис именно на Аполлодора. Автор весьма остроумно проводит здесь параллель между местом у Стефана и данными Трога (Iust. 41. 6. 8) о протяженности царства Арсакидов во времена Митридата I (ок. 170–138 гг. до н.э.) от Евфрата до Кавказа. Последнее сообщение восходит, как показал еще Ф. Альтхайм¹³, к Аполлодору. Пьянков справедливо считает Аполлодора источником сведений Страбона о реках Окс и Ох в Гиркании (11. 7. 3; 11. 5). Здесь можно добавить, что и другие данные Страбона об этом регионе, например, о реке Сарнии (11. 8. 1) и местности Несея (11. 7. 2–3; 11. 8. 2) очевидно, заимствованы у Аполлодора. По моему мнению, весьма вероятно, что Аполлодор знал об Аральском море. Это доказывает пассаж у Страбона (11. 9. 3), который говорит о переселении дахов из области Меотиды. Весьма вероятно, что речь здесь идет об Аральском море¹⁴. Исследования Пьянкова, касающиеся Аполлодора, доказывают особую позицию греко-парфянского географа и историка Средней Азии, так же как и его важность для последующего развития географических представлений античных авторов об азиатских землях.

В основе еще одной, выработанной Эратосфеном схемы лежали реки Окс, Яксарт и горная цепь Тавра. Теоретические обоснования этой концепции, согласно Пьянкову, скорее всего восходят к Дикеарху, Эратосфен же пользовался данными Демодама, Патрокла и александрийских историков. В этой связи автор рассматривает таинственную реку Ох. Страбон (11. 7. 3; 11. 5) приводит различные взгляды на Ох, в качестве авторитетных источников при этом привлекаются Аполлодор и Аристобул. Пьянков верно различает две реки, которые носят название Ох, – одну в Бактриане, другую – в Гиркании. В приложении автор идентифицирует эти реки как Атрек и Кундуз. Касательно этого отождествления можно заметить, что оно кажется маловероятным. Гирканский Ох следует, на мой взгляд, отождествить с Узбоем¹⁵, на это особо указывает Страбон (11. 7. 3), который говорит об Охе близ страны парфян (Атрек же, напротив, течет через Парфию). Бактрийский Ох можно идентифицировать как Кайсар, одну из рек на западной границе Бактрианы. Подобную локализацию бактрийского Оха поддерживают Curt. 7. 10. 15; Plin. NH. 6. 48; Ptol. Geogr. 6. 11. 2–4 и Amm. Marc. 33. 6. 57. У Страбона (11. 11. 5) в том фрагменте, который касается реки Оха, можно проследить, на мой взгляд, обращение к Аполлодору, а не только к Аристобулу, как полагает Пьянков. В этом фрагменте Страбон говорит об Охосе, упоминая его ширину – достигающую 6–7 стадиев. Такое указание возможно только тогда, когда речь идет о широком гирканском Охе (Узбое), который под этим именем был известен только Аполлодору, а не об одном из множества малых потоков Бактрианы.

Еще одну схему, ориентирующуюся на Тавр, Окс и Яксарт, Пьянков возводит к Гиппарху, который переработал более древнюю схему Эратосфена. Варианты этой концепции он видит у Посидония, Агриппы, Орозия и Гонория. Эта явно компилятивная схема была окончательно составлена Птолемеем, многое заимствовавшим у Эратосфена, Гиппарха и Посидония. У Птолемея нет больше непрерывной горной цепи, пересекающей Азию, вместо нее перечислены горы Паропамис, Кавказ, Имаон, Корон и Сарифа. В заключение автор подчеркивает особую важность известий о горах и реках Средней Азии в античных источниках. В частности, он обращается к проблеме Окса/Аму-Дарьи. Многие античные авторы знали о впадении Окса в Каспийское море, но это представление рассматривалось в современных исследованиях по большей части как чистая спекуляция. В этой связи я хотел бы указать на соответствующее высказывание В. Тарна, который пишет следующее: «No competent person

¹³ Altheim F. Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter. Bd II. Halle, 1948. S. 61.

¹⁴ Ср. Olbrycht. Parthia. S.39.

¹⁵ Ср. ibid. S. 74.

today believes that the Oxus ever entered the Caspian bodily in historical times»¹⁶. Современные археологические и геологические исследования доказали, однако, что Окс / Аму-Дарья в античные времена через Узбой действительно впадал в Каспийское море¹⁷.

Книга завершается заключением и многочисленными приложениями. В первом он проводит идентификацию горных цепей и рек с реальными географическими объектами, во втором приводятся важнейшие единицы измерения, использовавшиеся античными авторами. Затем следует подробное графическое сопоставление схем античных географических традиций, начиная с Анаксимандра и до традиций Агриппы и Августа (приложение 3). Можно пожалеть о том, что среди античных географических традиций традиция Аполлодора из Артемиды не разработана подробнее. Аполлодор выступает всего лишь как один из источников для Посидония и Артемидора (с. 287). Кажется, что роль Аполлодора заслуживает более высокой оценки, его влияние на представления древних о Средней Азии и Парфии прослеживается у таких авторов, как Страбон, Плиний, Птолемей и даже Орозий. Четвертое приложение содержит попытку отобразить на картах античные схемы, что существенно облегчает правильное восприятие основных тезисов книги.

В работе приводится подробная библиография, но важная литература охвачена практически только до середины 80-х годов и определенные исследования, появившиеся до публикации рецензируемой книги (т.е. до 1997 г.), здесь не охвачены¹⁸. Это обстоятельство, однако, – не вина автора, во многом оно отражает трудности с получением книг в России.

Очень подробные индексы, завершающие книгу, в которых перечислены географические названия и названия народностей, являются большим подспорьем читателю. Энциклопедические знания автора подтверждает и Index Locorum (с. 329). Богатство приведенных в книге данных хорошо упорядочено, таким образом, благодаря этим индексам. Книга снабжена также английским резюме. Представление автором спорных вопросов, касающихся географических традиций, не лишено уместной сдержанности. По тем проблемам, о которых не выработалось еще общепринятого мнения, или в решении которых нет уверенности, приводятся различные мнения рядом друг с другом (ср., например, пояснения к Варрону и Агриппе, с. 107 сл.). Избегая спорных тезисов, книга дает много информации, автор постарался как можно более точно ввести все географические названия. Судя по книге, И.В. Пьянков может быть признан авторитетом в области исторической географии Средней Азии и соседних регионов.

Исследование Пьянкова дает повод к более общим соображениям. Античная географическая литература развивалась под сильным влиянием определенных авторов и их концепций. Известные схемы, например Анаксимандра, Гекатея, Евдокса, Эратосфена, Гиппарха и Посидония, стали для последующих поколений определяющими источниками географического знания. Некоторые авторы старались как можно более точно придерживаться своих великих предшественников, как, например, Страбон придерживался Эратосфена. При этом они часто игнорировали новейшие открытия и современные им сведения. Показателем в этой связи случай с Плинием: в своем описании Индии он последовательно придерживается Мегасфена и воспроизводит сведения, устаревшие примерно на 350 лет¹⁹. В целом античную географическую традицию можно охарактеризовать как крайне консервативную, в которой стремление к открытиям проявляется сравнительно редко. И тем не менее определенная информация от путешественников, торговцев, военных и других людей находила путь в географическую научную традицию, хотя зачастую эти данные пытались подогнать под старые схемы. Отсюда

¹⁶ *Tarn*. Op. cit. P. 490.

¹⁷ Об Узбое и об Охе см. *Ольбрихт М.* Проблемы исторической географии Туркменистана в эллинистический и арсакидский периоды // Мерв в древней и средневековой истории Востока. III: Мерв и парфянская эпоха. Ашхабад, 1992. С. 21–22; *idem*. Parthia... S. 25 f., 54–59, 74.

¹⁸ Следовало бы назвать исследования Дж.Р. Гарднер-Гарден, изданные в Блумингтоне (Bloomington, Ind.) в 1987 г.: *Gardiner-Garden J.R.* Herodotos' Contemporaries on Skythian Geography and Ethnography; *idem*. Ktesias on Early Asian History and Ethnography; *idem*. Greek Conceptions on Inner Asian Geography and Ethnography from Ephoros to Eratosthenes; *idem*. Apollodoros of Artemida and the Central Asian Skythians; см. рецензию на эти книги И.В. Пьянкова (ВДИ. 1994. № 4. С. 191–207). Следует упомянуть и исследования: *Lindegger P.* Griechische und römische Quellen zum peripheren Tibet. Teil II. Überlieferungen von Herodot bis zu den Alexanderhistorikern (Die nordlichsten Grenzregionen Indiens), Rikon 1982; *idem*. Griechische und römische Quellen zum peripheren Tibet. Bd III. Zeugnisse von den Alexanderhistorikern bis zur Spätantike (Die «Seidenstrassen»). Rikon-Zürich, 1993.

¹⁹ Ср. *Dihle A.* Plinius und die geographische Wissenschaft in der römischen Kaiserzeit // *Tecnologia, economia e societa nel mondo romano*. Como, 1980. S. 121–137.

возникают серьезные затруднения при источниковедческом анализе; часто в высшей степени проблематичным становится определение изначальных данных и первоначального источника. Следует отметить также известную разницу между геометрически-математической и дискриптивной, ориентированной на итинерарии и периплы, географической традицией.

Рецензируемое исследование – это знаковая книга, и И.В. Пьянков вновь подтвердил свое особое положение среди лучших знатоков древней истории и исторической географии Средней Азии и соседних областей. Достижением исследователя является то, что он представил работу, которая значительно расширяет наши знания о Средней Азии в античной географической традиции. И.В. Пьянкову замечательно удалось достичь цели, поставленной им самим в монографии. Мои критические замечания ничуть не умаляют научной ценности рецензируемой книги. Заслуга автора состоит также в том, что он привел трудный для систематизации материал в ясную, понятную и прекрасно структурированную форму*.

Марек Ольбрыхт

© 2003 г.

CATHERINE MORGAN. *Isthmia: Excavations by the University of Chicago under the Auspices of the American School of Classical Studies at Athens*. V. VIII. The Late Bronze Age Settlement and Early Iron Age Sanctuary. Princeton, 1999 (The American School of Classical Studies at Athens). XIII + 526 p., 103 figs., 74 pls., 6 tables, 6 plans

Рецензируемый VIII том, посвященный святилищу Посейдона в Истмии, является последним, но не завершающим в серии публикаций материалов этого памятника¹. В предисловии (с. VII–VIII), написанном Элизабет Гебхард, директором раскопок в Истмии, проводимых университетом Чикаго², дается краткая история систематических раскопок начиная с 1952 г. – с момента локализации архаического храма Посейдона и до 1989 г. (последний год раскопок, материалы также включены в данную работу).

Том разделен на три части: I. «Материальные свидетельства», II. «Анализ» и III. «Интерпретация». Первая часть включает «Введение» (I, 1, с. 3–34), где оговорена структура тома и дана краткая характеристика каждой части. В его рамках представлена серия очерков. Первый, посвященный изучению геологии Истмийского плато, написан К.Л. Хэйуордом (с. 3–14) и представляет некоторую сложность в понимании для неспециалиста в области геологии, поскольку изобилует техническими терминами. Основной вывод автора сводится к тому, что геологическая структура центрального плато типична для всей Коринфии и что отсутствие соответствия между ориентацией храма по линии восток–запад и первоначальными естественными контурами плато еще раз свидетельствует в пользу намеренной ориентации постройки, а не продиктованной природными условиями (с. 14).

Второй, очень краткий очерк, знакомящий читателя с топографией Истмийского плато (с. 15), и третий, посвященный истории археологических комплексов вокруг центрального плато (с. 16–18), – написаны Э. Гебхард. Для удобства история святилища представлена в виде последовательно сменяющих друг друга эпизодов, в основу которых положен материал раскопок центрального святилища и театра (заполнение колодцев, цистерн и других резервуаров не включено). Таких эпизодов насчитывается семь, их продолжительность варьируется от 60 до 230 лет в зависимости от хода событий. Эпизод I (ок. 700/740 – 450 г. до н.э.) и VII (середина II – начало III в. н.э.) связаны со строительством, расширением святилища в архаическое время и время Антонинов. Эпизоды II (ок. 470/450 – 390 г. до н.э.), III (конец IV – начало III в. до н.э.), VI (ок. 80/100 – середина II в. н.э.) связаны с сооружением и реконструкцией храмов Посейдона, Палемона и театра. Около 470/450 г. до н.э. в результате пожара

* Перевод с немецкого Д.П. Кикотя.

¹ Предыдущие тома были посвящены исследованиям и публикации других материалов раскопок: том I (1971 г.) «Храм Посейдона»; т. II (1973 г.) «Топография и архитектура»; т. III (1977 г.) «Керамические светильники»; т. IV (1987 г.) «Скульптура-I; 1952–1967 гг.»; т. V (1993 г.) «Крепость Эксампион»; т. VI (1996 г.) «Скульптура-II: мраморная скульптура; 1967–1980 гг.»; т. VII (1997 г.) «Металлические изделия. 1952–1989 гг.».

² До нее раскопками руководили О. Бронир в 1952–1967 гг. и П. Клемент в 1967–1976 гг.